

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Кирсанова Наталия Павловна

СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Санкт-Петербург

2006

Диссертация выполнена на кафедре социологии политических и социальных процессов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор политических наук,
профессор Елисеев Сергей
Михайлович

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук,
профессор Исаев Борис Акимович

кандидат социологических наук
Родионова Елизавета Валерьевна

Ведущая организация:

Санкт-Петербургский
государственный
морской технический университет

Защита состоится «31» октября 2006 г. в 16⁰⁰ час. на заседании Диссертационного совета Д 212.232.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, факультет социологии, ауд. 201

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А.М.Горького Санкт-Петербургского государственного университета (Университетская наб., д. 79).

Автореферат разослан «28» сентябре 2006г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
Д 212.232.06

(Иванов Д.В.)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Власть является неотъемлемым атрибутом любой общественной системы, необходимейшим средством ее функционирования и развития. Исследователи не знают реальных исторических обществ без власти, без властных отношений между субъектами.

Современная общественная ситуация поставила перед гуманитарной наукой весьма сложные и, самое главное, ответственные задачи, которые требуют как практического решения, так и теоретического осмысления.

Одной из таких задач по праву можно считать анализ природы власти и властных отношений в современном обществе.

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной научной литературе появились смелые социологические концепции, отражающие новые подходы к этому феномену.

Концептуальный анализ власти был бы неполным без рассмотрения основ (источников, ресурсов) власти. Что лежит в основе власти? Каким образом субъект власти оказывается способным заставить объект делать то, что тот в ином случае не стал бы делать? Почему одни люди подчиняются другим? Анализ ресурсов (средств) власти позволяет объяснить эти и другие проблемы и является важным при проведении эмпирических исследований власти.

То, что власть обусловлена каким-то набором ресурсов, позволяющих субъекту реализовать свою волю в отношении объекта, считается общепринятым у исследователей власти. Р.Мартин пишет, что основными элементами любого объяснения власти являются цели актора и распределение ресурсов, которые необходимы для их достижения. Р.Даль, характеризуя роль «ресурсов» в объяснении и исследовании властных отношений, подчеркивает, что анализ их распределения между индивидами и социальными группами в различных обществах и исторических условиях – «это древний, общепризнанный, распространенный и убедительный способ объяснения, использованный Аристотелем в Греции в четвертом веке до н.э., Джеймсом Хэррингтоном в семнадцатом веке в Англии, отцами-основателями Американской конституции в конце восемнадцатого века, Марксом и Энгельсом в девятнадцатом веке и многими выдающимися учеными двадцатого века».

Это вполне естественно: анализ ресурсов власти совершенно необходим для понимания распределения власти в обществе, он помогает выделить различные формы власти и оценить ее основные параметры.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ресурсы политической власти изменяются вместе с изменением самого общества. Если на ранних ступенях развития человеческой цивилизации политическая власть преимущественно сводилась к физической силе и различным формам ее проявления, то в современном, сложно организованном социуме, действия, связанные с непосредственным применением физической силы или насилия, в значительной степени утратили свою эффективность. В условиях современного социума политическая власть использует разнообразные ресурсы,

обеспечивающие ей эффективное выполнение своих функций, и здесь существенную роль играют именно символические ресурсы.

Все авторы согласны с тем, что ресурсы власти могут быть различными и нет единого «универсального» ресурса власти. Это подчас стимулирует попытки определить все возможные ресурсы власти и включить их в общую классификацию. Поэтому в современной литературе встречается довольно много разнообразных типологий ресурсов, где в той или иной степени представлены и ресурсы символические. Однако, ни в одной из этих типологий они не выделяются в отдельную группу и не получают детального анализа.

Символы составляют духовную основу и идентификацию человека в политическом пространстве, и его реакции на возможные конфликты с властью. Именно символическая коммуникация, отражая тип властного принуждения, раскрывает самую суть политики как особой сферы социальности. По мнению современных исследователей, в настоящее время распределение и использование ресурсов власти в большей мере проявляются через символические средства, поэтому прямое использование силы в политике становится все меньше. Другими словами, независимо от своего идейного содержания символические формы так или иначе отображают понимание человеком силы и ресурсов верховной власти, а следовательно, осознание им потенциальной угрозы применения по отношению к нему насилия в случае несовпадения его позиций с целями государства. Такое предощущение возможного принуждения не только задает человеку иерархию социальных целей и значений в политике, но и способствует уточнению его собственных позиций по отношению к власти.

Однако, тщательный анализ как зарубежной, так и отечественной литературы свидетельствует о том, что проблема символических ресурсов власти разработана в недостаточной степени. Ни в одной из известных автору концепций властных ресурсов не содержится выделения символических ресурсов в качестве самостоятельного вида. В то же время, очевидно, что такие ресурсы как, например, политическая мифология, политическая символика, политическая риторика и идеология играют заметную роль в современной политике и требуют отдельного социологического исследования, рассматривающего их именно в русле символической трактовки.

Степень разработанности проблемы. Изучение литературы по данной проблематике свидетельствует о том, что в современной социологической и политологической литературе (в большей степени, иностранной) содержится достаточно подробный анализ социальной сущности и природы политической власти, ее типологии, исторических форм существования, функций и структуры, основных свойств и признаков. Среди наиболее известных авторов, занимавшихся этой проблематикой, нужно отметить таких как П.Бэкхук, М.Бэрэти, Т.Болл, Р.Даль, Д.Ронг, Д.Истон, Г.Лассуэлл, С.Льюкс, А.Кэплэн, Н.Луман, П.Бурдьё, М.Фуко, С.Липсет. В России эти вопросы изучали А.А.Дегтярев, В.В.Ильин, В.Г.Ледяев, В.Ф.Халипов, И.И.Кравченко.

Литературы, посвященной исследованию проблем властных ресурсов, не так много. В основном, эти вопросы рассматриваются в рамках изучения

проблемы политической власти вообще. Среди зарубежных авторов, уделивших особо пристальное внимание изучению вопросов ресурсов власти, нужно назвать С.Бэкрэка и Э.Лоулера, Д.Балдвина, Х.Саймона, Р.Биерштедта, Э.Этциони, М.Роджерса. Среди отечественных исследователей можно выделить работу В.Г.Ледяева «Власть: концептуальный анализ», в которой целый раздел посвящен изучению существующих подходов к проблеме властных ресурсов. Однако, ни среди зарубежных авторов, ни среди отечественных, до сих пор не существует общепризнанного термина для обозначения понятия «ресурсы власти». Для обозначения этого понятия одновременно используются такие термины как: «основания власти», «источники власти», «средства власти».

Очевидно, что проблема символических ресурсов власти не может быть ограничена только рамками социологии или политической науки. Данная проблематика тесно связана с политической антропологией, теорией и историей социологии, политической психологией и философией политики. Поэтому в исследовании также используются работы таких авторов, как К.Леви-Строс, М.Эдельман, С.Эйзенштадт, А.В.Гордон, Л.А.Тихомиров, Дж.Ритцер и др. Вместе с тем следует отметить дефицит работ, посвященных социологическому анализу ресурсов власти.

Объект исследования — политическая власть.

Предмет исследования — символические ресурсы политической власти.

Цель исследования — осуществить социологический анализ символических ресурсов власти, выделив их из общей системы властных ресурсов, определить их место в системе властных ресурсов, дать типологию и раскрыть специфику их использования в современном российском обществе.

Для реализации поставленной цели определены следующие исследовательские задачи:

- 1) Рассмотреть теоретические концепции власти в политической социологии;
- 2) Провести анализ содержания теорий символа и символического в социологии;
- 3) Проанализировать значение символа и символических форм в структуре политической власти;
- 4) Дать определение понятию «символические ресурсы власти»;
- 5) Систематизировать существующие типологии ресурсов власти, определить место и значение символических ресурсов в ряду других властных ресурсов;
- 6) Выделить и проанализировать виды символических ресурсов власти в их исторической эволюции;
- 7) Проанализировать место и значение символических ресурсов в российской политике.
- 8) Выявить исторические особенности формирования и развития символических ресурсов политической власти в России.

Методологические и теоретические основы исследования. Теоретико-методологической базой исследования послужили работы классиков

социологии и политологии, посвященные детальному изучению вопросов политической власти и ее элементов. Сущность символических ресурсов власти проанализирована с учетом достижений многих отраслей политической социологии. Методологическую основу исследования составляют системный, структурно-функциональный и сравнительный подходы, а также принципы историзма, объективности и диалектики. Эмпирической базой диссертационного анализа являются социологические данные общероссийских исследовательских научных центров.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- 1) Проведен социологический анализ концепций политической власти, прослежена эволюция основных парадигм, выделены четыре логических этапа их развития.
- 2) Осуществлен комплексный социологический анализ символических ресурсов власти и выявлены особенности их проявления в современной политике.
- 3) Обоснованы и систематизированы понятия, связанные с концепцией символических ресурсов власти: «символическое», «символический капитал», «символьный капитал».
- 4) На основе теоретического анализа символических ресурсов власти предложена их авторская трактовка как знаковых средств конструирования политической действительности, оказывающих воздействие на сознание и нормы поведения индивидов и определяющих порядок их социальных действий в сконструированном властью социальном пространстве.
- 5) Выделены виды символических ресурсов власти в соответствии с логикой исторического развития символических форм познания. Среди них особое значение придается политической мифологии, которую предлагается рассматривать как совокупность закодированных смыслов, призванных облегчить понимание политической реальности обыденным сознанием. Хронологически следующим видом символических ресурсов является идеология, рассматриваемая как матричный способ символизации. В качестве отдельного вида символических ресурсов выделяется политическая символика, в частности, государственная. К этому же ресурсу относятся и символические политические действия, например, символические акции протеста или инсценирование ритуальных действий. Еще одним видом ресурсов выступает политическая риторика, призванная с помощью лингвистических механизмов содействовать проведению «нужной» власти политики.
- 6) Проведен анализ символических ресурсов власти в российской политике. Представлена логика их исторической эволюции и современное состояние.
- 7) Детально проанализированы иностранные источники, не исследуемые в отечественных работах ранее.

Практическая значимость работы. Представленный в работе анализ символических ресурсов власти может быть применен для развития теории властных ресурсов, описания функций и структуры власти, для дальнейшего поиска эффективного ресурсного потенциала. Материалы диссертации могут быть использованы для подготовки учебных пособий по темам «Символическое в структуре политической власти», «Символические ресурсы власти российского общества», а также для разработки общих и специальных курсов при чтении лекций и проведении семинаров по политической социологии и социологии политических процессов.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) На основе социологического анализа доказано, что политическая власть обладает символическими ресурсами, которые являются самостоятельным видом ресурсов, не сводимым ни к одному из описанных ранее.
- 2) В системе ресурсов власти символические являются частью нормативных ресурсов, оказывающих воздействие на сознание и изменяющие нормы, предпочтения подчиненных, либо определяющих порядок их социальных действий в сконструированном властью социальном пространстве.
- 3) В современном обществе выделяются следующие виды символических ресурсов власти: политическая мифология, политическая идеология, символика и риторика. Эти формы символической репрезентации исторически видоизменялись. Однако, появление более сложных форм не уничтожало предыдущие, а лишь лишало их лидирующей роли.
- 4) Символические ресурсы можно типологизировать на явно проявляемые и скрытые, оказывающие прямое или опосредованное воздействие на индивидов. К скрытым символическим ресурсам можно отнести политическую мифологию и идеологию, которые оказывают скрытое манипулятивное воздействие на сознание индивидов. К «зримым» видам символических ресурсов относится государственная символика.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии политических и социальных процессов факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета 8 июня 2006 года. Материалы диссертационного исследования нашли отражение в 7 публикациях, а также представлялись для обсуждения на научно-практических конференциях: «Власть и общество: проблемы взаимодействия» (октябрь 2004 г.), «Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях» (21-22 октября 2004 г.), «PR-технологии в информационном обществе» (25-26 февраля 2006 г.), а также на международной рабочей встрече «СМИ и политика» (Будапешт, октябрь 2005 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении объясняется актуальность темы исследования, раскрывается степень ее научной обоснованности, указаны цель и задачи исследования, методологические основы, научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «Концептуально-методологические основы изучения власти в политической социологии» представлены основные концепции власти, существующие в политической социологии и политологии, в их эволюционном развитии.

В первом параграфе первой главы «Проблемы власти в «классической» политической социологии» анализируются подходы к власти, представленные в работах Т.Гоббса, М.Вебера, П.Блау, Р.Даля, Э.Кэплэна и Г.Лассуэлла, П.Бэкрэка и М.Бэрэтца.

Все эти подходы были созданы на основе введения определенного типа субъектно-объектных отношений, которые позволяют выделить абстрактный принцип действия власти для всех возможных случаев ее функционирования. Трактовка власти как отношения между двумя и более субъектами широко распространена в современной западной политической науке. Субъекты власти выступают в качестве сознательных, суверенных и правомочных партнеров, между которыми установлены асимметричные отношения. Асимметричность отношений заключается в том, что хотя на практике существуют два и более субъекта, вступающие между собой в отношения по поводу власти, но в то же время один из субъектов всегда должен быть подлинным «субъектом власти», а другой – «объектом власти». Действие власти таково, что властвующий субъект усиливает свою власть благодаря все более полному сведению позиции другого субъекта к позиции объекта.

Такое понимание власти широко представлено в политической науке XX в. Наиболее известным определением понятия «власть» в таком ключе является понимание власти М.Вебером: «власть – это возможность для одного деятеля в данных социальных условиях проводить собственную волю даже вопреки сопротивлению».

Во многом созвучной с веберовским определением выступает реляционистская концепция власти. Она трактует власть как межличностное отношение, позволяющее одному индивиду изменять поведение другого. Эта концепция в первую очередь обращает внимание на асимметричность властных отношений, рассматривая их как отношения субъекта и объекта, на ролевые отношения или реляционные аспекты власти, характерные именно для веберовской традиции, предполагающей возможность волевого воздействия одного политического актора (индивидуального или группового) на другого актора (индивидуального или группового).

Наиболее содержательной в плане изучения институциональных аспектов властных отношений выступает теория «обмена ресурсами», имеющая социологический характер (П.Блау, Д.Хиксон, М.Роджерс, А.Этциони). Теория обмена связана, с одной стороны, с бихевиоризмом, а в другой – с экономическими теориями. Основное внимание создатели этой теории

сосредотачивают на проблеме социального взаимодействия индивидов или групп посредством обмена ресурсами. Поведение участников социального взаимодействия обусловлено распределением ресурсов. «Ресурс – это атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает способность влияния его обладателя на других индивидов или группы» (М.Роджерс). Речь идет не только и не столько о неравном распределении ресурсов, сколько об их разнокачественности. Существуют разнородные ресурсы, что обуславливает возможность и необходимость обмена. Ценность ресурсов различна. Есть очень редкие ресурсы, обладание которыми увеличивает власть, а есть широко распространенные, которые можно найти в другом месте. Согласно теории власть возникает вследствие неравного распределения ресурсов, что приводит к образованию отношений господства и подчинения. Тот, кто лишен ресурсов и одновременно нуждается в них, попадает в зависимость от того, у кого они есть. Обладатель ресурсов, в которых нуждается другой социальный агент, имеет возможность трансформировать часть своих ресурсов во власть путем их обмена на желаемое социальное поведение.

Таким образом, все концепции, принадлежащие к так называемому периоду «классической политической социологии» трактуют политическую власть в рамках субъект-объектного подхода, где она рассматривается либо как атрибут, либо как свойство носителя власти.

Во втором параграфе первой главы «Системный подход» представлен анализ концепций власти в рамках системного подхода.

Попыткой избежать односторонностей в рамках субъект-объектного и реляционного подходов явился системный (функциональный) подход, современную версию которого дал американский социолог Т.Парсонс. В рамках системного подхода власть рассматривается как свойство общественной системы, которое заключается в способности общества к реинтеграции. Под нею понимаются «действия по воссозданию обществом своей целостности, противодействие силам атомизации, индивидуализации, дифференциации, то есть всяческим попыткам разложения общества как целого на самостоятельно функционирующие образования».

Согласно системной концепции власти политическая система определяется как качественно отличная от других систем в обществе и представляет собой совокупность взаимодействий, осуществляемых индивидами в пределах признанных ими ролей, взаимодействий, направленных на авторитарное распределение ценностей в обществе. Власть в политической системе выступает как атрибут. «Мы можем определить власть, - писал Т.Парсонс, - как реальную способность единицы системы аккумулировать свои «интересы» (достичь целей, пресечь нежелательное вмешательство, внушить уважение, контролировать собственность и т.д.) в контексте социальной интеграции и в этом смысле осуществлять влияние на различные процессы в системе».

Подход Парсонса к определению власти позволяет ему сделать акцент на власти как свойстве системы, как исходную аксиому, основанную, в свою очередь, на другой аксиоме – всеобщем согласии. Власть у Парсонса является

не атрибутом акторов или отношений, а свойством (ресурсом) систем. Власть, по Парсонсу, это «генерализованная способность обеспечить выполнение элементами системы своих обязанностей». Власть «производится» социальной системой аналогично богатству, создаваемому экономической организацией. Как и деньги, власть не представляет собой ценность сама по себе: ее роль состоит в том, что она обеспечивает достижение коллективных целей через согласие членов общества легитимизировать лидерские позиции и дать мандат на принятие решений и формирование политики от имени общества тем, кто находится на этих позициях.

Рассматривая власть как символического посредника в системе взаимосвязей общественного целого, Парсонс идет дальше традиционных представлений о власти как контроле над ресурсами. Власть, основанная на ресурсах, является самым простым (в современной ситуации) типом власти: Власть как символический посредник задает нормы и образцы правильных (ожидаемых обществом) действий, функционирующих в политической сфере и за ее пределами.

Оценивая системный подход к власти и, в первую очередь, интерпретацию власти как символического посредника, можно отметить существенное расширение общественного поля власти: собственность (деньги), влияние, нормы и ценности, знание оказываются не просто внешними опорами, подкрепляющими узкий антропологический фундамент власти. Позитивные двойники власти, проходя через систему общественно признанных и закреплённых ожиданий и ролей, становятся интериоризированными механизмами социального самоконтроля, получая тем самым антропологическое содержание или, по крайней мере, назначение.

В третьем параграфе первой главы «Власть как средство коммуникации» рассматриваются трактовки власти в коммуникативной парадигме.

Одним из основных направлений изучения власти в современной политической социологии является разработка проблемы ее позитивной, созидательной функции. Признавая важными и существенными негативные функции власти, которые выступают как «власть над» кем-то, как возможность осуществления принуждения по отношению к кому-то, сторонники этого направления акцентируют внимание на функции власти убеждать или разубеждать кого-то, достигая определенного соглашения. В современном обществе власть призвана быть не столько разрушающей, сколько созидющей, а политика не столько разъединяющей людей, социальные группы, этнические образования и т.д., сколько их объединяющей.

В коммуникативных теориях власть рассматривается как важнейший элемент коммуникации современного общества, а сам анализ понятия власти строится на основе теории коммуникации, или «коммуникативных действий». Именно в этом направлении развиваются все современные концепции власти. Х.Арендт, Ю.Хабермас, Н.Луман, чьи концепции представлены в данном параграфе, делают упор именно на коммуникативном аспекте власти.

Согласно теории коммуникативного действия отношения между людьми выходят за рамки властных отношений, как только в сферу общения включается насилие, имеющее целью утвердить чью-либо точку зрения в качестве господствующей. Сторонники данной теории отвергают насилие в качестве средства общения. Насилие, по их мнению, неспособно осуществлять коммуникативную функцию. Оно лишь способно низводить индивида или группу индивидов до уровня пассивного объекта, лишённого субъективности, разрушая тем самым основу коммуникации. Подлинное проявление власти состоит в ее способности убедить другого в целесообразности совместных действий, прийти к определенному соглашению. Если же власть оказывается неспособной убедить в целесообразности совместных действий и в качестве последнего аргумента использует насилие, то это свидетельствует не столько о силе власти, сколько о ее бессилии или слабости. Использование властью насилия обессиливает ее и придает действию нелегитимный характер.

Очевидно, что сторонники коммуникативного подхода делают различие между властью и насилием. Они признают за властью наличие силы. Но проявление этой силы должно быть строго регламентировано, иметь определенные правовые рамки. Но ограничивать власть только правовыми рамками они считают недостаточным. Она должна быть еще морально ответственной за применение силы.

Сильная власть обладает способностью соотнесения своей силы с моральной ответственностью ее применения. Псевдовласть, наоборот, лишена такой способности. Сила власти и насилие власти являются, таким образом, двумя полярными точками, характеризующими поле властных отношений. Между ними существуют различные степени власти, которые могут быть выражены через такие понятия как «авторитет власти», «влияние власти», «отчуждение власти» и т.д. они указывают на специальные каналы осуществления власти и способы ее функционирования.

В четвертом параграфе первой главы «Постструктуралистские концепции власти» представлен анализ трактовок политической власти в постструктуралистской парадигме. Здесь рассматриваются подходы французских социологов М.Фуко и П.Бурдьё.

Раздвигая границы традиционных взглядов на природу и содержание власти, современная политическая социология существенно обновила концептуальные подходы ее теоретического анализа. Заметным явлением здесь является серия работ М.Фуко, посвященных «археологии и генеалогии власти». Исследования М.Фуко прямо направлены против принципов субъектного анализа властных отношений, присущих политической науке середины XX века.

С появлением работ Фуко фактически началась новая волна интереса к осмыслению феномена власти, связанная с постмодернистской критикой гоббсовско-веберовской традиции. Бросив вызов традиционному подходу, Фуко, как Парсонс и Арендт, считает его однобоким, сводящим власть к «власти над», к негативной репрессивной силе. Власть, по его мнению, не может быть описана в таких терминах. Фуко полагает, что традиционная

модель может быть использована для характеристики досовременных властных отношений, но вряд ли способна адекватно описать и объяснить современные формы власти, основанные на новых способах управления и тесно связанные со знанием, экспертизой и специализированными технологиями.

Говоря о традиционном понимании властных отношений, как действующих отношений «субъект-объект», он показывает, что они реально не существуют, а *созданы* и смоделированы для «публичной симуляции». Именно поэтому власть, по его словам, повсюду, и не потому, что она всё охватывает и подчиняет, а потому что она отовсюду исходит, это не достояние которое можно приобрести и использовать, а наоборот – определённый комплекс стратегических действий с присущими им знаниями, технологиями и техниками.

Современная власть, пишет Фуко, принимает форму «дисциплинарной власти». Под дисциплинарной властью он понимает власть, трансформирующую людей в объектов с помощью «дисциплин», присущих психиатрии, медицине, криминологии и социальным наукам. Эти «дисциплины» помогают сформировать «общество нормализации» – частично через их специализированные дискурсы, используемые в специфических социальных «точках» (госпиталях, психиатрических лечебницах, тюрьмах и т.д.), частично через применение «аппарата знания», присущего этим дисциплинам и их дискурсам. Фуко интересуют техника и технология власти, опирающиеся на знание и способы их использования различными институтами для осуществления контроля над людьми.

Фуко отмечает, что власть по своей природе реляционна, а не субстанциональна. Она представляет собой не просто отношение субъектов, а своего рода модальность общения, т.е. «отношение отношений». Мыслить власть – это значит мыслить ее вне субъектно-объектных отношений и каких-либо оппозиций типа: государство – личность, закон – свобода и т.д.

При объяснении зон властного общения П. Бурдье следует за М.Фуко. Если в своей «генеалогии власти» Фуко ставит вопрос о тотальности структуры и стратегии власти, объемлющей в себе все формы сопротивления ей, т. е. различные попытки сопротивления власти, гражданского давления или прямого неповиновения, то Бурдье развивает трактовку властного общения как некоего специфического поля (или измерения) в общем многомерном пространстве структурированных позиций социальных агентов, роль и влияние которых определяются их взаимным положением и диспозицией. Концепция «поля власти» П. Бурдье аккумулировала в себе немало из того подхода к анализу властного общения, который был предложен его старшим коллегой (а в чем-то и учителем) М. Фуко. Власть над социальным полем состоит в обладании «капиталом», который, во-первых, складывается из общего объема капиталов экономических, культурных, социальных и символических, и, во-вторых, имеет особую качественную консистенцию и конфигурацию.

Власть у Бурдье выступает как сложный механизм тотального социального общения, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми, первые из которых получают потенциально «символическую

власть» над вторыми, хотя последние также обладают «символическим капиталом», оказывая влияние и давление «снизу» на властвующим.

Таким образом, как показывает проведенный анализ, трактовки власти эволюционировали от ее понимания как особого вида отношения между субъектами к бессубъектным трактовкам, в рамках которых власть выступает как средство коммуникации и конструирования социальной реальности. В результате, изменяются сущность и структура властных ресурсов. На первое место вместо ресурсов материальных и прямого физического насилия выходят ресурсы нематериальные и символическое насилие.

Во второй главе «Символическое воспроизводство власти» раскрывается сущность понятия символа и символического в современных социологических концепциях и раскрывается их значение в структуре политической власти.

В первом параграфе второй главы «Понятие символического в современной социологии» автор ставит задачу проанализировать наиболее влиятельные, на его взгляд, трактовки символа и символического в социологии, которые могут быть применимы, в частности, для анализа политической власти. Это символический интеракционизм в его социологически институционализированной версии, проблема символизма в структурном функционализме Т.Парсонса, теория символа Н.Элиаса, постструктуралистские концепции символического П.Бурдьё, М.Фуко и Ж.Бодрийяра.

Американский теоретик, А.Росси подразделяет «классические» социальные теории символа в соответствии с тремя парадигмами: «критической», к которой он относит К.Маркса с его вниманием к функциям идеологии, сознания и языка; «интерпретативной», в которую им включены М.Вебер и мыслители прагматического направления – Ч.Хортон Кули и Д.Герберт Мид, рассматривавшие знаковое содержание социальных взаимодействий в качестве определяющего фактора; и «естественнонаучной», представителями которой являются, по мнению А.Росси, В.Парето, Э.Дюркгейм и Т.Парсонс.

Общий лейтмотив, являющийся своего рода камертоном любого социологического видения символа, заключается в признании исследователем факта символического содержания социальных отношений, формирующих и наполняющих общество, и признании этого содержания полноправным предметом социологической науки. Тем не менее, о каком-то общепринятом в социологии понимании символа говорить не приходится. Каждый исследователь излагает, фактически, свое оригинальное видение феномена, не всегда даже вводя четкие дефиниции.

Символический интеракционизм рассматривает феномен символа и символического на микросоциологическом уровне, утверждая его в качестве элемента социальных взаимодействий и социальной реальности вообще. Взаимодействие здесь предполагает опосредствующую роль символов, таким образом, можно говорить о так называемом символическом взаимодействии. Этот подход подчеркивает существеннейшее различие в поведении животного и человека. Символизация предполагает новый уровень переживания наличия другого. Взаимодействие отождествляется здесь с коммуникацией (в

особенности подчеркивается роль лингвистической коммуникации). Согласно этой точке зрения взаимное влияние никогда не бывает прямым, оно всегда подвержено некоторой промежуточной трансформации, т.е. стимул всегда интерпретируется.

Макросоциологический подход, представленный в диссертации, в первую очередь, Т.Парсонсом, очевидно прослеживается в его попытке увязать функциональную систему символов с «нормативной ориентацией» действия, что в итоге представляется как элемент обязательного «упорядочения» реальных ситуаций. Даже самая элементарная коммуникация, доказывает социолог, невозможна без определенной степени приверженности «соглашениям» символической системы.

Парсонс выделяет следующие виды мотивационных ориентаций: когнитивные, катектические и оценочные, в соответствии с которыми он осуществляет классификацию символических систем.

Парсонс трактует выделенные им три вида символических систем следующим образом:

Когнитивные символы. Экзистенциальные идеи, указывает социолог, есть интегральная часть системы культуры, и они находятся в отношениях принципиальной взаимозависимости со всеми другими элементами действия. Конкретная система идей, таким образом, есть результат этой взаимообусловленности.

Экспрессивные символы. Они, с точки зрения Парсонса, выполняют следующие основные функции: а)обеспечение коммуникации между взаимодействующими частями; б)организация процесса взаимодействия через придание ему ценностного содержания восприятия; в)экспрессивные символы служат в качестве прямого объекта «удовлетворения» соответствующей диспозиции потребностей. Прототипом экспрессивного символа внутри контекста интеракции, является, по мнению социолога, символический акт.

Оценочные символы. Система оценочных символов состоит, по Парсонсу, из: 1)подсистемы стандартов для разрешения когнитивных проблем; 2)подсистемы стандартов для разрешения катектических проблем; 3)подсистемы «моральных» стандартов для общей интеграции различных единиц системы и разнообразных других стандартов, присутствующих в отдельной единой системе.

Таким образом, феномен символического у Парсонса не просто связан со структурой, функцией и действием, а является, в действительности, сущностной характеристикой данных феноменов, определяющей их содержание и характер существования.

Постструктуралистские концепции, представленные в данном параграфе Ж.Бодрийяром и П.Бурдьё, предлагают качественно иной подход к рассмотрению феномена символического. Для Бодрийяра «символическое» - это социальная характеристика, особый тип социального действия. И в этом проявляется различие с психологическим пониманием символического, где оно обозначает определенный регистр психической деятельности. Символическое у Бодрийяра – это «еще-не-обретшая формы стадия знаковой деятельности, где

обращению еще не поставлены препоны типа власти, цензуры, принципа реальности». Сам Бодрийяр пишет: «Символическое – это не понятие, не инстанция, не категория и не «структура», но акт обмена и *социальное отношение, кладущее конец реальному*, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого».

В отличие от Бодрийяра, для которого символическое в первую очередь является типом социального действия, в концепции его современника П.Бурдьё символическое – это пространство, в котором действует та же логика, что и в любом поле (логика борьбы). Соответственно, в этом пространстве существуют символическая власть, символический капитал, символическое насилие, символические структуры и символический порядок. Символическое – это особое измерение реального: элементы реальности, воспринимаемые как нечто ценное, небезразличное для человека, становятся символическими.

Во втором параграфе второй главы «Символ и символическое в структуре политической власти» прослеживается изменение символической репрезентации власти в соответствии с историческими этапами развития общества. Если для периода средневековья было характерно соединение реального физического и символического пространств власти, точкой соединения которых было тело короля, то постепенно тело короля «утрачивает энергию живого символа». Власть все больше становится продуктом структурных отношений. Отношения непосредственной близости уступают место дистанцированным отношениям, в которых существенную роль играют новые структуры, структурирующие социальное пространство власти и ее визуальные репрезентации. Дистанцированная фигура монарха при этом все в большей степени ассоциируется с безличной всеобщностью закона. Таким образом, происходит замена физического тела его репрезентацией, которая всегда предполагает дистанцию, расстояние. Смена физического символа на репрезентацию отражается в эволюции государственных ритуалов. При переходе к абсолютизму из обихода исчезают главные государственные церемонии, имевшие фундаментальное символическое значение для установления власти (напр., королевские похороны, коронация, торжественные «вступления» короля в город и так называемые *lits de justice*, то есть церемонии издания королевских указов).

Таким образом, эволюция символической репрезентации власти привела, в частности, к изменению модуса политической легитимации в условиях массовой демократии. Если Людовик XIV легитимность своей власти основывал на божественной сущности королевского титула, то легитимность демократической власти стала основываться на признании суверенитета народа.

Начиная с XVIII в. политическое становится репрезентацией социального. Вместо тела монарха приходит «коллективное тело нации». В соответствии с этим меняется и символическая структура власти, в которой отражается появление ее нового носителя: народ, социальные группы, классы.

Способность символов убедительным для коллектива образом указывать на иную (сакральную) реальность – незаменимое средство легитимации

политической власти. Легитимация осуществляется при помощи символических порядков, которые не встречаются в повседневной жизни, но служат как бы «защитной крышей» над социальным порядком и над строем отдельной человеческой жизни. Поддержание политического порядка, таким образом, происходит за счет множества символических форм.

Следующий момент, который отмечен в этом разделе, - это подвижность и изменчивость символических форм в политике. Одна и та же символическая форма может иметь различные значения для различных людей и в разное время для одних и тех же индивидов. Именно благодаря изменчивости символов становится возможна упорядоченная социальная жизнь. Властные отношения можно изменить за одну ночь, но большая часть символов, поддерживавших эти отношения, останется и будет лишь незначительно изменена.

В третьей главе «Понятие и виды символических ресурсов власти» раскрывается сущность символических ресурсов власти, выделяются их виды и рассматривается их функционирование в российском обществе.

В первом параграфе третьей главы «Понятие символических ресурсов и их место среди других властных ресурсов» предложена авторская трактовка символических ресурсов власти, под которыми понимаются *контролируемые и используемые субъектом властных отношений, в соответствии с собственными целями, знаковые средства конструирования политической действительности, оказывающие воздействие на сознание и нормы индивидов, определяющие порядок их социальных действий и взаимодействий в пределах конкретного социума.*

Понятие символических ресурсов власти, таким образом, тесно связано с понятием символического капитала, введенным П.Бурдьё. Как нам представляется, символические ресурсы (наряду с материальными) выступают потенциальными ресурсами власти, в то время как символический капитал – это ресурсы, мобилизованные субъектом властных отношений для достижения своих целей. Таким образом, власть опирается на символические ресурсы, которые она конвертирует (преобразует) в символический капитал.

Управление символическим капиталом осуществляется государством и уполномоченными им представителями. В условиях монархии управление символическим капиталом находилось в руках монарха, который обладал правом присвоения титулов, званий или степеней. А в условиях перехода к демократии это право перешло к специализированным общественным институтам и субъектам, уполномоченным на это государством. Символические ресурсы власти, таким образом, являются совокупностью различных видов капитала, не имеют конкретного носителя и могут быть использованы в различное время различными властными носителями.

Символические ресурсы власти представляют собой блага нематериального характера, способные воздействовать на группы индивидов, навязывая им определенное видение мира и задавая определенную модель поведения.

Символические ресурсы власти актуализируются через способы отражения, оценки и действия, которые формируют восприятие и установки

людей и потому находятся за уровнем сознания и волевого контроля. По аналогии с символической властью, символические ресурсы – невидимы и неосознаваемы, они реализуются только при признании людьми легитимности существующей власти.

И если символическая власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, *дает* тому, кто ее осуществляет, своего рода кредит, которым один наделяет другого... это власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует», то символические ресурсы власти выступают средствами, способствующими признанию людьми *легитимности власти*. Поскольку ни один человек не захочет добровольно подчиняться власти, а физическое принуждение недостаточно эффективно, необходимы символические ресурсы, способные сделать так, чтобы власть воспринималась не как власть, а как нечто ценное. Тогда человек по доброй воле отдается во власть, которую считает абсолютным благом.

В этом же параграфе проанализированы существующие подходы к типологии ресурсов власти, на основании которых предложено следующее понимание места символических ресурсов в ряду других: символические ресурсы являются частью нормативных ресурсов (типология Этциони), оказывающих воздействие на сознание и изменяющие нормы предпочтения подчиненных, либо определяющих порядок их социальных действий в сконструированном властью социальном пространстве. Однако, полное отождествление нормативных и символических ресурсов, на наш взгляд, некорректно. Дело в том, что совокупность нормативных ресурсов не исчерпывается лишь символическим содержанием. Сюда также входят средства воздействия на ценностные ориентации и морально-этические нормы объектов власти. Они ориентируют на социальное партнерство руководителей и подчиненных, формируют определенный кодекс поведения, связанный с профессиональным долгом. Нормативные ресурсы включают средства воздействия на внутренний мир, ценностные ориентации и нормы поведения человека. Они призваны убедить подчиненных в общности интересов руководителя и исполнителей, обеспечить одобрение действий субъекта власти, принятие его требований. Этот вид ресурсов связан с влиянием непосредственно на сознание человека.

Во втором параграфе третьей главы «Виды символических ресурсов власти» анализируются конкретные виды символических ресурсов власти, выделенные в соответствии с логикой эволюции символических форм. В соответствии с такой постановкой задачи, предлагается выделять следующие виды символических ресурсов власти: политическая мифология, политическая идеология, политическая символика и политическая риторика. Каждый из вышеуказанных видов, в свою очередь, может иметь и подвиды.

Упомянутые виды ресурсов с момента своего возникновения реально сосуществуют друг с другом. Появление каждого нового вида не вытесняет предшествующего, а скорее, лишает лидирующей роли в производстве политических символов и смыслов. Вместе же все эти формы символизации образуют достаточно сложный комплекс способов ориентации политических

актеров, которые дают возможность разным группам населения выполнять свои множественные функции: взаимодействовать с властью, принимать участие в принятии решений, голосовать, протестовать или выражать солидарность и т.д.

Как показывает практика, исторически первой символической конструкцией выступал миф, духовное средоточие народных мистерий. Будучи формой синкретического мироощущения, сложившегося еще до возникновения политики, этот тип символизации использовал в качестве основного механизма рефлексии фантастические образы богов, демонов или героев, не только идеализировавших будущее, но и включающих в себя его дихотомическое противопоставление настоящему.

Будучи ограниченным рефлексивными возможностями мифотворчества, производство политических образов не предполагало особых логических приемов для обоснования сложившейся картины мира и футурологических проектов. Главными механизмами символизации служили вера, обычаи, традиции либо героизация конкретных жизненных примеров. По этой причине производство символических образов было неразрывно связано с сакрализацией событий и личностей, подкрепляемой разнообразными сказаниями и легендами, причем в утверждавшемся таким образом ориентационном контексте каждый образ нес в себе ожидания желанного будущего.

Следующей исторической формой идеальной матрицы, со временем потеснившей мифы с лидирующих позиций, стали религиозные конструкции. Сохраняя, подобно своим предшественникам, целостное восприятие сферы политического, они закладывали в основание символизации определенные нравственно-этические картины мира, тем самым, превращая человеческую веру в главный способ диагностики действительности.

Качественные же подвижки в формировании духовной сферы политики связаны с возникновением идеологий, которые, начиная с нового времени, стали вводить в нормативно-символические конструкции более «абстрактные» и «систематизированные представления» о сущности власти и условиях адаптации граждан в политическом пространстве.

Идеология выступают следующим видом символических ресурсов власти.

В отличие от мифологии, идеология – это осознаваемая и сознательно используемая система идей и ценностей, выражающих интересы отдельных классов и групп, т.е. прежде всего рациональный конструкт. Однако генетически идеология формируется на основе мифологии и несет на себе определенные характеристики мифа.

Важным элементом механизмов реализации политической власти выступает и политическая символика, она же является самым популярным и, возможно, самым эффективным символическим ресурсом.

Символы являются неотъемлемой частью формирования, фиксации и воспроизводства идентичности любой политической общности. Особенно возрастает роль политических символов, апеллирующих не только к разуму, но и к эмоциям, в периоды глубоких социальных и культурных потрясений, которые

провоцируют своеобразную архаизацию сознания. В эти эпохи воскресают древние образцы синкретического восприятия символа, когда борьба за символы власти была важнейшим элементом борьбы за власть, когда символы власти порой воспринимались как сама власть. Специалисты в области политической антропологии отмечают, что в периоды дезинтеграций возрождаются наиболее архаические формы проявления властных отношений, этот феномен получил название «архаического синдрома».

По форме политическая символика формируется знаками разной природы – вербальными, невербальными и смешанными. К вербальным знакам относятся слова и устойчивые словосочетания, прецедентные высказывания и тексты (политическая афористика), к невербальным – флаги, эмблемы, портреты, бюсты, здания, символические действия и, наконец, знаковые или символические личности – сами политики. К смешанным знакам принадлежат гимн (сочетание поэтического текста и музыки) и герб (сочетание геральдических символов и вербального девиза).

И, наконец, еще одним видом символических ресурсов власти выступает политическая риторика. Имя, данное социальному явлению или институту, становится символом, если отражает некую скрытую особенность, деталь, связь, аналогию. Эта особенность в случае удачной номинации становится самым существенным в восприятии поименованного объекта, отставляя в сторону замыслы автора того или иного социального проекта. Таким образом, номинация становится аналогом магии, которая преобразует социальную действительность одним только словом.

Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы, с помощью магии слова (или приказа) замещает группу, существующую только через доверенность, выданную группой своему представителю. Он выхватывает тех, кого намерен представлять, как изолированных индивидов, позволяя им действовать и говорить через его посредство как один человек. Взамен он получает право рассматривать себя как группу, говорить и действовать как целая группа в одном человеке. В результате возникает некий продукт сознания, который проявляется как неуловимая харизма – загадочное объективное свойство индивида, неуловимый шарм, магическое умение.

Р.М.Блакер называет язык механизмом социальной власти, так как именно с помощью различных лингвистических приемов мы можем «эксплуатировать» различные контекстные эффекты, тем самым, порождая контекст, в котором мы хотели бы видеть свои высказывания.

В третьем параграфе третьей главы «Традиции и новации символических ресурсов в системе российской политической власти» представлен анализ репрезентации символических ресурсов в российской политике. Основная задача, поставленная в этом параграфе, проследить особенности использования российской политической властью различных символических ресурсов на отдельных этапах ее исторического развития и на эмпирическом уровне определить отношения россиян к существующей государственной символике как ресурсу политической власти.

Проведенный анализ показал, что в сложные переломные или кризисные периоды развития России, политическая власть постоянно обращается к религиозно - православной традиции, черпая из нее дополнительные ресурсы, укрепляющие ее легитимность, способствующие укреплению социального порядка и стабильности в обществе.

Подобно Петру I, который с момента начала своего правления активно стал внедрять в сознание своих подданных новые ценности и символы и придавать этому порядку вид новой эры, временное правительство еще в период февральской революции стремилось к отрицанию старых символов с тем, чтобы установить новый символический порядок. После октябрьской революции этот процесс принял более планомерный и целенаправленный характер.

В первые годы после октябрьской революции последовали изменения календаря, т.е. символических пространственно-временных характеристик власти, нововведения в правописании, перенос столицы из Петербурга в Москву, при этом особый знаковый смысл приобретала новая резиденция власти, с которой последняя и стала ассоциироваться (кремлевская власть). Беспощадный характер приобрела война против символических ресурсов свергнутого монархического строя - религии и церкви.

Искоренялись названия городов и улиц, связанные с монархической властью или культовыми сооружениями. Переименования обрели значение, священное для нового порядка. Вводилась новая сакральная символика: звезда и серп с молотом на месте креста и орлов, создавались новые ритуалы и традиции, которые приобрели масштабы массовых мероприятий и зрелищ: демонстрации трудящихся и военные парады на Красной площади, субботники, прием в партию, комсомол или в пионеры и т.д.

Все эти новые символы и ритуалы имели один общий смысл и были связаны с господствующей марксистско-ленинской идеологией.

Радикальные реформы конца - 80-х - начала 90-х годов прошлого столетия поставили перед борющейся за власть элитой задачу отыскания и освоения нового символического капитала, поскольку прежний был, по сути, девальвирован.

Конструирование нового политического пространства власти происходило как на институциональном, так и на символическом уровнях. И как это было не раз в России, процесс конструирования сопровождался радикальным разрывом с прошлым, пересмотром отдельных фактов истории, борьбой с символами и знаками прошлого. По сути, весь этот процесс напоминал ситуацию октябрьской революции, когда так же активно происходило навязывание нового символического порядка.

Переименовывались названия городов и улиц, связанные с советской властью. Ленинград был переименован в Санкт - Петербург, Куйбышев в Самару, Калинин в Тверь и т.д., сносились памятники советской эпохи и устанавливались новые. Вводилась новая демократическая символика, создавались новые ритуалы и традиции.

Поиск в течение ряда лет более действенного и надежного символического оформления государственности привел к возвращению прошлых исторических традиций, берущих начало не только в советский, но и досоветский монархический период. В символическое пространство власти были возвращены: двуглавый орел на государственном гербе, участие Патриарха Московского в инаугурации Президента РФ, закрепление православного Рождества в качестве государственного праздника, музыки советского гимна и т.д.

Все эти процессы свидетельствуют о том, что в современной российской политике до сих пор наблюдается эклектичность символического оформления российской государственности.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и обозначаются перспективы дальнейшей работы в предлагаемом направлении.

**ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО
В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:**

1. Семиотические аспекты политики/ Российское общество и власть: проблемы взаимодействия. Тезисы научно-теоретической конференции. Факультет социологии СПбГУ. СПб., 2004. С.118-120.
2. Семиотический уровень политической коммуникации/ Социальные коммуникации: новое в науке, образовании, технологиях. Материалы международной научно-практической конференции. 21-22 октября 2004 г., Санкт-Петербург. СПб., 2004. С.154-156.
3. Политическая мифология России в переходный период/ Аитовские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2005. С.101-105.
4. Семиотическое пространство политической коммуникации (в соавт. с Елисеевым С.М.)/ Актуальные проблемы современной политической науки. Сборник трудов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Вып.5. СПб., 2005. С.50-58.
5. Миф как средство воспроизводства символического в политических коммуникациях/ Реклама: творчество и бизнес. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Март 2005г., Санкт-Петербург. СПб., 2005. С.6-11.
6. Метафорическое моделирование текста в политическом PR/ PR-технологии в информационном обществе. Материалы III всероссийской научно-практической конференции 25-26 февраля 2006 г., Санкт-Петербург. Ч.I. СПб., 2006. С.130-132.
7. Символ и символическое в структуре политической власти/ Проблемы развития политических коммуникаций в условиях демократизации и глобализации общества. Материалы межвузовской научно-практической конференции 23-24 апреля 2006 г., Санкт-Петербург. СПб., 2006. С.18-24.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 281. Подписано в печать 12.09.2006 г. Бумага офсетная.
Формат 60х84¹/₁₆. Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, тел. /факс (812) 275-73-00, 970-35-70
asterion@asterion.ru